

Евгений
Курдаков

ДУША ПРОЗРЕВАЕТ И ПЛАЧЕТ О ВСЕХ

* * *

Без надежд на случайность и чью-либо милость,
В терпеливой тоске по планиде земной
Жизнь прошла чередом и вполне поместилась
В то простое, что русской зовётся судьбой.

И уже не беда, что споткнёшься и сгинешь,
Ведь и сгинешь – в родном, и на вечный покой
Отпоёт не чужое, а то, что покинешь, –
А оно до конца было вместе с тобой.

До конца трепетало, горчило и сладко
Наплывало, как ветер, – дыши и дыши, –
И в живом этом чувстве и есть вся разгадка
Пресловутой загадки славянской души.

Потому никогда ни в обузу, ни в жалость
Мне не станет всё то, что вместилось в судьбе, –
И какое бы зло в эту жизнь не вмещалось,
Оно собственным злом захлебнется в себе.

* * *

Затихли снега в предрождественской стыни,
И стая щеглов пропорхнула, звеня,
Сквозь мёрзлые заросли мёртвой полыни
У кромки январского, краткого дня.

Вот так чередой пронесутся со звоном
Все долгие зимы и станут одной, –
С промёрзшим окном, с пустырём законным,
С пустынной, сквозь зиму бредущей тропой, –

Чтоб где-то потом, обернувшись к истокам,
 Увидеть, раздвинув прожитого тень,
 Что вся эта жизнь – лишь пустырь одинокий
 С тропой, уходящей в рождественский день, –

Что вряд ли бы стоило столько томиться
 Любовью к нещедрой юдоли земной,
 Когда бы не эти звенящие птицы
 Над сирой, родной, одинокой тропой.

СНЕГИРИ

И вновь наполнится февраль живым и лёгким свистом,
 И станет мир как бы теплей, и станет день светлей,
 Когда воссядут снегири на клён ясенелистный,
 Осыпав снег с его ветвей, осыпав снег с ветвей.

И уж не страшно, что метёт, метёт, не уставая,
 Который день, который день, который день подряд,
 По мёрзлым улицам скользя, позёмка снеговая,
 В той снежной мгле уже прорыв: там фонари горят.

Горят живые фонари в течение серебристом,
 И повествует тонкий свист, свеченьем обогрет,
 Не о томленье вековым, не о затменье мглистом, –
 О свете, видном и тогда, когда просвета нет.

* * *

Я слышал – под утро грачи прилетели,
 Их крик, пробиваясь сквозь взломанный сон,
 Метался в глухой предрассветной метели
 И снова стихал, словно сном унесён.

А утром всё то, что могло бы присниться,
 Возникло кружащейся рябью в окне,
 Где медленно плавали темные птицы
 В метели, снегу, в наступающем дне.

Дрожал, воспаряя, и скорбно, и странно
 Обиженный грай над застывшей землёй...
 Зачем же так рано, так рано, так рано
 В тоску нашу, стужу, в наш март неживой?

И душу томило, и стаи кричали,
 Как будто всё это заставши врасплох,

Пытались наш холод и наши печали
Почувствовать грудью на вскрик и на вздох.

Рассвет розовел и дымился морозно
Поверх этих стай и метелей поверх...
Зачем же так поздно, так поздно, так поздно
Душа прозревает и плачет о всех?

* * *

...наниче ся години обратиша...
Слово о полку Игореве

Когда затихли битвы и отшумели рати,
Ерей Ефоний, старец, настроил свой гудок:
– Не лепо ли ны бяшетъ, о, братия, начати... –
И – молвил Слово павшим, а нам, живим, урок...

Давно за Шеломянем земли родной преданья,
Напастьми и тугою опять взошли поля...
– Не лепо ли ны бяшетъ, начать... –
Но грают врани,
И новой черной болью печалится земля.

Как встарь, раздор и похоть, Каяла дышит слепо,
Мглой окрутили бесы, маня в Тьмуторокань...
– Не лепо ли ны бяшетъ... – Уже давно нелепо
Хиновий этих тешить, платя по беле дань...

Ерей Ефоний, старец, гудит гудок твой вещей,
Урок усобиц древних к нам обращая вспять,
Чтоб глум иной крамолы и новый мрак зловеций
Не стали б нашей былью... Не лепо ли начать?

* * *

Над Москвой снежок осенний сыплет призрачную муть,
Снова вспомнился Есенин, видно, надо помянуть.

Снова за сердце схватила эта боль из мрака лет,
Был поэт небесной силы, – ничего уж больше нет.

Только ветер лихолетья да тоска невпроворот...
Что-то солнышко не светит и уж, видно, не взойдет...

Вся судьба в родимой песне, – песни даром не поют,
Может, и меня на Пресне завтра палками забьют.

Эта банда, эти пушки, бесовская круговерть...
Выпьем с горя... ах, то – Пушкин,
с ним полегче пить и петь...

Над Москвою ветер, ветер, серебристый снежный свей...
Что-то солнышко не светит над головошкой моей...

* * *

Осенний день сгорел, в реке растаяв,
И к ночи, закружив крыло в крыло,
Устало гомоня, воронья стая
На старый парк упала тяжело.

Всё не стихал рождающий тревогу
Железный грай, пугая тополя.
И мнилось, будто жаловалась Богу
Не стая, а усталая земля.

...И мне подать бы голос свой охрипший,
И что-то прокричать пустынной мгле,
Когда бы знать, что не устал Всевышний
Внимать своей измученной земле.

* * *

По Мстинской улице моей летят метели,
И сквозь метельное безвременье глядят
Две церкви древние, две ветхие скудели, –
Никита Мученик и Федор Стратилат.

Безумен снег, смятенна ночь, но и в смятенье
Святая стража эта страждет до конца, –
Никита Мученик в мучительном терпенье,
Воитель Фёдор – с твёрдой стойкостью бойца.

Не бойся ночи, не сдавайся, обессилев, –
В пустом безвременье не спят, ещё хранят
На Мстинской улице моей – мою Россию
Никита Мученик и Фёдор Стратилат.

* * *

Есть в Старой Руссе церковь Мины.
Там, у заросшего пруда
Стоит она, тиха, пустынна,
Забыта всеми навсегда.

В нелепом этом запустенье
Камней, столпов, крутых апсид
Витают благовест терпенья
И всепрощения обид...

Не знаю, молятся ли храмам
Заброшенным, но только здесь
Я был овеян ветром странным,
Как бы ниспосланным с небес.

И ощутил не на мгновенье,
Что от всего остались нам
Вот этот благовест терпенья
Да, словно Русь, забытый храм, –

Которые в безмолвной стыни
Вот-вот исчезнут в никуда...
Есть в Старой Руссе церковь Мины,
Там, у заросшего пруда.

* * *

А дверь затворена...

(Иезек. 44-1)

*Надпись на фреске церкви
Рождества-на-Красном-поле,
XIV в. Великий Новгород*

За Окольным валом на подоле
Тихо дремлет в роще над рекой
Церковь Рождества-на-Красном-поле,
Сторожа кладбищенский покой.

Тяжелы бугры валунной кладки,
Груб портал, и окна без прикрас, –
Но иные тайны и загадки
В Божьем храме спрятаны от глаз.

Там внутри, под сенью низких сводов,
Где, струясь, мерцает полутьма,
Золотятся в охристых разводах
Фрески несказанного письма.

Вещий свиток развернул Исая,
В седине лучисто-серебрист,
И, фаюмским ликом потрясая,
Смотрит строго Марк-евангелист.

Серафимы, ангелы, пророки,
Лики Византии и Микен, –
Всё наследье мира, все уроки
Отразила роспись древних стен.

Кто ж ты, Русь?
Наследница? Предтеча?
Где, каким порывом и судьбой
Эта красота всечеловечья
Так свободно принята тобой? –

Так, помимо доли и юдоли,
Что и впрямь не Господом ль дана?
Церковь Рождества-на-Красном поле, –
Тайна спит,
А дверь – затворена.

* * *

Русь, Ефросинья, живая роса,
Снова туманны твои небеса.

Снова затмило собой вороньё
Светло-тресветлое солнце твоё.

И в нанесённой чужими пыли
Сохнут священные слёзы твои.

Что ж ты безгласна, чего ещё ждёшь?
Что ж ты родное к себе не зовёшь?

Зэгзицей вскрикни, всплесни рукавом,
Кто-то ведь жив в этом мраке глухом!

Или давно – ни тоски, ни души
В этой прокарканной враньей глуши?

Чёрные сны, соколиная кровь...
Русь, Богородица, светлый покров.

ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

Преображаясь, сдвигаясь, меняясь,
Утренний свет возникает во мгле...
Дни золотые неведомых таинств,
Что ж так бессветно у нас на земле?

Что же не впрок ни вчера, ни сегодня
 Правда небес, что скупа, но проста:
 Свято – лишь Преображение Господне,
 Преображенья людские – тщета.

Тщетны смятенья, взрыванья, погранья
 Вечных устоев, священных основ, –
 Преображение – это слиянье,
 Перетеканье под Божий Покров...

Солнечным золотом свод опоясан,
 И вызревает, румянясь зарёй,
 Светознаменное яблоко Спаса –
 Плод занебесный над грешной землёй.

СОФИЯ

...пять земель, две тьмы, море;
 мудрый разумеет...

*Сакральная надпись
 на полях Апостола 1307 г.,
 определяющая Премудрость Божью*

Когда восходит солнце над Софией
 И вспыхивает купол золотой,
 Я знаю, этот свет над всей Россией
 Незримой растекается волной.

В нём смысл и вековечная дорога
 Спасения, ниспосланного нам...
 София, Эйн-Софа, Премудрость Бога,
 Создавшая себе всесветлый храм, –

Храм, где свершает волю Слово Божье,
 Природе придавая смысл живой.
 Восходит солнце, и сквозь бездорожье
 Нам виден древний путь наш вековой:

Пять глав Пятиземелья – счёт познания,
 Древнейшей сути пройденный урок,
 Две тьмы по сторонам Тропы Трояньюей,
 Апсидами текущей на Восток.

...Колокола дробят тревогу Часа,
 Безвременье застыло в маете, –
 Но – надо всем – священный купол Спаса,
 Крест золотой и голубь на кресте.

ХУТЫНЬ

Дух всюду сущий и единый...

Г. Р. Державин, «Бог», 1784 г.

В зыбком пространстве, метельном, белесом,
Звон колокольный раздастся, – и здесь,
Над заметёнными полем и лесом
Вдруг заволнуется снежная взвесь, –

Вдруг, загустев в предрождественском звоне
Преображенского храма вдали,
Сдвинутся в вечность, устав от погони,
Дни этой снежно-пресветлой земли, –

С лесом и полем метельного цвета,
С солнцеворотом, творящимся днесь,
Там, над священной могилой поэта
В Божьей скудели под светом небес.

* * *

Не хочет быть рабыней
Душа в борьбе со злом,
А хочет быть рябиной,
И речкой, и веслом...

Г. Касмынин

На рябине журчат свиристели,
И в промёрзшей декабрьской глуши
Так похожи небесные трели
На призыв запредельной души.

Нет здесь страсти, но нет и унынья,
Всё утишилось враз и навек, –
Лишь с рябины сыпается иней
На волшебный полуденный снег.

И всё кажется мне, и всё мнится:
То не птицы журчат средь ветвей,
То родное чуть слышно стучится
К нам – напомнить о тайне своей, –

Что мы все только тем и бессмертны,
В горний мир отлетая душой,
Чтоб рябиною, птицей и ветром
Оставаться в юдоли земной...

Зябнет небо предвестьем метели,
Весь в опаде алеющий снег.
На рябине журчат свиристели,
Вьётся иней, кончается век...

* * *

Сердцу нужно убеганье от сухой тоски земной
К отдалённой детской тайне, позабытой, но родной, –
Где совсем не по погоде длятся лето и весна,
Солнце всходит и заходит, жизнь прекрасна и ясна, –
Где не нужно знать о муке настигающих расплат,
Где родительские руки и любви щадящий сад, –
Где, легко дыша во мраке, вечно молятся в тиши
Птицы, звёзды и собаки о продлении души...
Не мудрей, не спи, не старься, не устань хранить его,
Это царство-благодарство возвращенья своего.
Различи в напомниманьях его оклик, его весть, –
Если есть тоска по тайне, значит, тайна тоже есть, –
Тайна дальнего порога, где томится золотой
Неопознанного Бога понимающий покой.

* * *

Сестре Людмиле

Наверное, можно быть где-то счастливее,
Но стал нам судьбой или роком, Бог весть,
Тот город, та Двадцать вторая линия,
Дом двадцать шесть.

Он плыл, словно странный Ковчег неприкаянный,
Дом юности нашей, сквозь годы, туда,
Где тлела во тьме неудач и отчаяний
Наша звезда.

Она трепетала лучами неясными,
Зависнув над чёрною пропастью лет...
Но мама слепыми глазами прекрасными
Видела свет.

Тот свет, что хранил нас святыми молитвами
И вывел к иным берегам, очагам,
Где вот уже прошлое снами забытыми
Кажется нам.

...Звезда дотлевет, сгорая, и тающий
 Наш век остаётся лишь только для нас,
 Для наших стихов, для подруг и товарищей,
 Век – невелик.

Где тихо уходят по снежному крошеву
 Сквозь сад наш безгрешный, грешны и хмельны,
 Друзья и подруги по веку, по прошлому, –
 В последние сны...

* * *

Скупого лета жаркое добро:
 Кленовый лист и чайчье перо,

Оставленные ветром на песке
 Моей реки, бегущей налегке, –

Вы – скрытый знак того, что я таю,
 Томясь душой у века на краю,

Где бесполётен, как перо с листом,
 Стал этой жизни призрачный фантом...

Прощай же, век, который знать пришлось, –
 Перо и лист, – прожитые насквозь.

* * *

Дар напрасный, дар случайный...

А. С. Пушкин

Днём хлопочешь и смеёшься, впопыхах верша дела, –
 Ночью вздрогнешь и проснёшься: неужели жизнь прошла?..

Неужели в миг постылый, в трудном сумраке утра
 Грустный ангел белокрылый тихо вымолвит: – Пора... –

И растает в синем свете золотого сна поток,
 Лёгкий облак, светлый ветер, ангел, бабочка, цветок...

Ангел, облако, мерцанье, безмятежный ветер снов, –
 Горечь вечного прощанья, тайна Пушкинских стихов...

* * *

Вдоль осени, её страды печальной
 Пройтись, вдохнув её тревожный прах...
 Что не забыть? Что рифмою случайной
 Для памяти скрепить в своих стихах?

Чету капустниц на осенней тризне
Цветов и трав? Дымка горчащий чад?
Оливково-прозрачных лягушат
Из-под ноги взлетающих, как брызги?..

А может, сразу всё: предснежный ветер,
Бесптичье одиноких роц вдали,
Глухую грусть своей родной земли,
Единственность её на белом свете?..

Где надо всем – подобием креста
Тень Господа – сияюще проста.

* * *

Стихает жизнь, и не хватает света,
Но, чуя за спиной глухую тьму,
Я жив ещё, хотя, пожалуй, это
Уже не интересно никому.

Но есть успокоенье в пониманье
Последних откровений бытия,
Где всё ещё душа внимает тайне,
Которая зовётся – жизнь моя, –

Где незабвенно каждое мгновенье,
И, Божий этот дар благодаря,
Превозмогаешь бег и нетерпенье
Листающего дни календаря, –

Июнь, июль... торопятся недели,
Вот в старом парке липы зацвели, –
А вот уже и липы отгорели
На промелькнувшем празднике земли.

Взлетает, обновившись, птичье племя, –
И птицей бьётся в летнее окно
То самое стремительное время, –
Банально, но иного не дано...

А если сердце чем-то и томится,
То только тем, как тих, как невесом,
Всё убывая, снится, снится, снится
Минувшей жизни несказанный сон.

